

можно объяснить наличие на полях книги значительного количества изображений героев и авторов, знакомых древнерусскому читателю по прологам, патерикам, торжественникам и другим сборникам, а иногда, быть может, и по памятникам оригинальной русской литературы.

Так, например, дважды, при 15-м и 32-м псалмах, изображены мученики Гурий, Самон и Авив; их мощи и церковь в Царьграде видел и описал новгородский паломник Антоний (Добрыня Андрейкович), автор одного из первых русских «хождений». В начале 19-го псалма изображен монах в пещере, надписанный «Анфоний»; это скорее всего знаменитый основоположник монашества Антоний Великий, живший, по свидетельству его Жития, в пустыне, в гробнице, но, может быть, это и Антоний Печерский — основатель монастыря в Киеве и основоположник русского монашества. Без всякого фона и атрибутов изображен отшельник, надписанный «Сава» (л. 34 об.); здесь также можно высказать двойное предположение: либо это Савва Освященный, мощи которого видел вблизи Иерусалима русский паломник XII в. игумен Даниил, либо соименный ему монах того же Киево-Печерского монастыря. В двух последних случаях, быть может, предпочтительнее вторые толкования изображений — как Киевских святых, если иметь в виду происхождение Псалтири из того же города. Многочисленные изображения на полях этой книги палестинских и сирийских отшельников свидетельствуют о хорошем знании ее иллюстратором Синайского, Скитского, а может быть, и Киево-Печерского патериков.¹² Знанием литературных памятников, в том числе русских летописей и воинских повестей, их влиянием, быть может, можно объяснить и явную любовь иллюстратора Киевской псалтири к изображению батальных сцен, которыми насыщены поля рукописи. В некоторых из этих сцен можно даже усмотреть русские доспехи и оружие, но этим вопросом могут заняться и решить его лишь специалисты-археологи.

Связь иллюстраций Киевской псалтири с древнерусской литературой усматривается не только, точнее, не столько в заимствовании некоторых сюжетов и персонажей, а в самом принципе иллюстрирования.

Изображения на полях этой книги не только весьма разнообразны по содержанию, но и разностильны по манере; поэтому трудно предположить, что они восходят лишь к какой-нибудь одной лицевой Псалтири: художник скорее всего знал их несколько и компоновал свои иллюстрации самостоятельно, подчиняя их своему пониманию иллюстрируемого текста и добавляя многое от себя, от своего художественного мышления. Он действовал так же, как действовали составители древнерусских «изборников»; писец старейшего из них — Изборника 1076 г. — заявляет в выходной записи, что материал для своей книги он заимствовал «от многих книг княжьих». И хотя многие статьи Изборника 1076 г. надписаны именами византийских авторов, их греческие оригиналы до сих пор не найдены, да и вряд ли когда-нибудь будут обнаружены: слишком уж преобразовались они под пером составителя Изборника, компоновавшего их по своему усмотрению и растворившего их в своем творчестве. Тради-

¹² Изображения отшельников и мучеников на полях Киевской псалтири чаще всего привязаны к стихам, в которых есть какой-нибудь намек на мученические или отшельнические подвиги. Так, например, стих 65-го псалма «Пройдохомь сквозе огнь и воду и изведе ны в покой» дал повод художнику для сложного многочастного изображения истории сорока мучеников Севастийских — изображения, насыщенного мельчайшими подробностями и бытовым реквизитом (л. 86). Около стиха 36-го псалма «Весь день милует и взаемь дает праведный» (л. 50) изображен архиерей, надписанный «милостивый»; художник, вероятно, имел в виду конкретное историческое лицо — Иоанна, патриарха Александрийского, прозванного «милостивым».